

звали». Судя по приведенным контекстам объект, обозначаемый сев. *калитá*, характеризуется как 'небольшой по размеру'.

Лексема *калитá* обозначает не только полеводческие объекты – участки земли, в вологодских говорах она служит также для номинации кошелька, сумы [СРНГ 12, 358].

Как обозначение кожаной сумки, мешка, кошель, пришиваемого или пристегиваемого к поясу, слово *калита* известно с XIV в., ср.: «А с(ы)ну моему, князю Петру: поясъ золот с калитою» [СРЯ XI–XVII вв. 7, 36].

Напротив, полеводческие значения у данной лексемы по памятникам письменности не фиксируются. Конечно, в качестве полеводческого термина она могла функционировать в несохранившихся исторических источниках. Но не исключено также, что в комплексе значений лексемы *калитá* полеводческие значения являются более поздними по происхождению. Они могли появиться в результате народно-этимологического сближения слова *калитá* 'кошелек, сумка' с полеводческим термином *калитка*, по памятникам письменности фиксируемым в качестве обозначения 'небольшого участка пахотной земли, отделяемого особой изгородью или естественной межей' с XVII в. [СРЯ XI–XVII вв. 7, 37].

Полеводческие значения, отмечаемые у лексемы *калитá*, могут быть охарактеризованы как специальные. Т.А. Гридина отмечает, что народно-этимологические сближения нередко сопровождаются процессами специализации значений слов, ср. *курень* 'шалаш, сторожка', 'жилой дом' [СРЯ 2, 152 с пометой «обл.»], у которого в результате народно-этимологического сближения с общенар. *куриться* 'слабо горя, тлея, выделять дым' [СРЯ 2, 152] в некоторых говорах появляются такие специальные значения, как 'временный приют в лесу', 'место выжигания в лесу' (Даль), 'место для заготовки дров и выжигания из них древесного угля' [СРГСУ]¹.

Е.В. Лысова
Уральский университет

К этимологии диалектных названий глухарки

На территории Архангельской области выявлена группа диалектных наименований самки глухаря и самки тетерева (сем. тетеревиные), характеризующихся фонетической близостью и образующих компактный ареал.

Самец и самка глухаря и тетерева – одна из самых популярных орнитологических реалий, привлекающих внимание номинатора. Это связано с их промысловым значением. Выделение самки как отдельного

---

¹ См.: Гридина Т.А. Проблемы изучения народной этимологии. Свердловск, 1989. С. 53.

объекта для наименования объясняется ее внешними и поведенческими отличиями от самца.

Предполагается, что самка тетерева (*Lyrurus tetrix*) и самка глухаря (*Tetrao urogallus*) являются одной номинативной реалией. Это оправдывается тем, что в сознании носителя диалекта они часто не различаются – самка глухаря и самка тетерева имеют схожий внешний вид, демонстрируют сходное поведение и имеют единую промысловую значимость. Просмотр полевых материалов позволяет найти тому доказательства, нередко собирателем фиксируется значение ‘самка глухаря или тетерева’.

В статье рассматриваются следующие группы слов, обозначающих самку глухаря, самку тетерева: *маракуша* [ЛК ТЭ; СРНГ 17, 368], *маракушка* [СРНГ 17, 368], *маракуша* [ЛК ТЭ; СРНГ 17, 368], *маракушка* [СРНГ 17, 368], *маракуша* [ЛК ТЭ], *маракуш* [ЛК ТЭ]; *марежа* [ЛК ТЭ], *марежь* [ЛК ТЭ], *марешь* [ЛК ТЭ]; *марюха* [ЛК ТЭ], *марюшка* [ЛК ТЭ], *мариуша* [СРНГ 17, 373], *марюха* [ЛК ТЭ; СРНГ 17, 379], *марюшка* [ЛК ТЭ; СРНГ 17, 379], *марюшка* [ЛК ТЭ; СРНГ 17, 379], *марюшка* [СРНГ 17, 380]; *марандаха* [ЛК ТЭ; СРНГ 17, 369], *марандашка* [ЛК ТЭ], *марандуша* [ЛК ТЭ]; *мордаха* [ЛК ТЭ], *мордашка* [ЛК ТЭ].

Названные лексемы образуют компактный ареал, который помещается в зоне контактов русских с финно-угорским населением. Вследствие этого возникает предположение о возможном финно-угорском источнике.

М. Фасмер считает данные единицы этимологически «неясными» [Фасмер 2, 577], Я. Калима не включает лексемы в «Словарь прибалтийско-финских заимствований в русском языке»¹.

В статье представлена попытка этимологической интерпретации слов. Учитываются варианты русского и финно-угорского источников лексем, а также принимается во внимание возможность контаминационных процессов, неизбежно действующих на указанной территории.

Маракуша, маракушка, маракуша, маракушка, маракуша, маракуш

На территориях Плесецкого, Приморского, Холмогорского, Виноградовского, Пинежского, Лешуконского, а также Печорского, Усть-Цилемского районов Архангельской области зафиксированы лексемы *маракуша*, *маракушка*, *маракуша*, *маракуша*, *маракушка*, *маракуш*, обозначающие самку глухаря, самку тетерева. По мнению М. Фасмера, происхождение слов «неясно» [Фасмер 2, 577].

На территории Архангельской области и сопредельных областей лексемы *маракуша*, *маракуша* функционируют в следующих значениях: ‘тихоня’ (Пин) [СРНГ 17, 368], ‘о том, кто долго работает по вечерам’ (Карг) [СРНГ 17, 368], ‘неповоротливый человек’ (В-Уст) [ЛК ТЭ], ‘не-

¹ Kalima J. Die Lehnwörter im Russischen. Helsinki, 1919.

ряха, неряшливый человек' (холм., яросл.) [СРНГ 17, 368], 'о том, кто часто плачет, жалуется, ноет' (твер., новг.) [СРНГ 17, 368]. В значении 'самка глухаря, тетерева' указанные лексемы зафиксированы только на территории Архангельской области.

Можно предположить, что орнитоним *марáкуша/маракуша*, является производной ступенью условного глагола **марáкать*. Существование подобного глагола на почве русского языка вполне допустимо (ср. *марáкать* 'плохо, некрасиво, неразборчиво писать', 'плохо, с трудом читать'), но имеет характер реконструкта, так как данный глагол в необходимом для производности орнитонима значении не зафиксирован (о значении см. ниже). Если придерживаться версии отглагольного образования орнитонимов *марáкуша, маракуша*, для выявления этимологического признака необходимо выяснить значение глагола **марáкать*. На наш взгляд, следует рассматривать две версии о семантике производящего глагола.

1. Авторы «Этимологического словаря славянских языков» включают в этимологическое гнездо **marati* 'пачкать, грязнить' н.-луж. *maras* 'медленно работать', 'скучно говорить', 'нести чушь' [ЭССЯ 17, 207–208], М. Фасмер добавляет данные в.-луж. *maras*, *moras* 'болтать, говорить пошлости' [Фасмер 2, 572]. Состав этимологического гнезда приводит к поиску оснований для семантических переходов: 'пачкать, марать' → 'медленно работать'; 'пачкать, марать' → 'скучно говорить'.

Учитывая семантический перенос на базе в.-луж. и н.-луж., следует предположить наличие в семантической структуре исходного глагола компонента, обозначающего характер производимого действия. При наличии этого компонента в семантике становится ясным переход 'пачкать, грязнить, пачкаться' → ['производить определенные действия (копошиться, возиться и т. п.), в результате чего становится грязным, пачкаться, грязниться'] → 'делать что-либо плохо: медленно работать, плохо писать'¹.

Таким образом, наличие в н.-луж. глагола *maras* 'медленно работать' позволяет предполагать в русском **марáкать* 'копошиться, возиться, делать что-либо медленно' (глагол, обозначающий характер действия) и считать производными от него *марáкуша* 'тихоня', 'о том,

¹ К вопросу о возможности формального преобразования глагола ср. *намарáть* – *намарáкать* 'плохо написать' [СРНГ 20, 30]; *обмарáть* – *обмарáкать* 'испачкать, загрязнить что-либо, испачкаться' [СРНГ 22, 120]; *варзáть* 'делать что-либо наспех, пачкать, грязнить' [СРНГ 4, 53] – *варзáкать* 'делать что-либо наспех, марать, неряшливо писать' [СРНГ 4, 52]; *кусáть* – *кусáкать* 'есть, кусать, кормиться' [СРНГ 16, 155]; *врáть* – *врáкать* 'врать' [СРНГ 5, 186–187].

кто долго работает', 'неповоротливый человек'. С другой стороны, вполне возможна реализация промежуточной семантической ступени 'возиться, копошиться' → 'становиться грязным, мараться'. В любом случае экспрессивный глагол имеет значение характера выполняемого действия.

В результате выстраивается следующая мотивационная цепочка: *марáкуша* 'самка глухаря, тетерева' ← *марáкаться* 'копошиться, возиться в пыли, грязи (вследствие чего быть грязной)'. По значению внутренней формы *марáкуша* – 'та, которая копошится в земле, которая грязнится, которая грязная'.

Наименования *пестру́ха*, *пестру́шка*, *рябу́ха*, *рябу́шка*, *пéстра тетéра* 'глухарка' представляют собой номинации по признаку 'имеет пестрое, рябое оперение'. Во внутренней форме лексемы *марáкуша* 'самка глухаря', возможно, нашел отражение этот же признак номинации: пестрая, рябая < грязная (ср. *ма́ркий* 'неопрятный, грязный' < *ма́ркий* 'яркий'). Итак, мотивационно-словообразовательная цепочка выглядит следующим образом: *марáкуша*, *мараку́ша* – 'та, что возится, копошится' < 'та, что грязнится' < 'та, что становится пестрой' < 'пестрая, рябая'.

2. Не менее вероятной выглядит версия о звукоподражательном значении производящего глагола **марáкать*. На территории других областей зафиксированы лексемы *варáкуша* 'птица семейства дроздовых' (яросл.) [СРНГ 4, 43], *варáкушка* 'соловей' (пск., сиб.) [СРНГ 4, 43], 'вид воробья' (костр.) [СРНГ 4, 43], *варáкуша* 'птица' (влг.) [ЛК ТЭ], сопоставимые с звукоподражательным глаголом *варáкушить* 'передразнивать' [СРНГ 4, 43] (ср. также *варáкать* 'говорить вздор, нелепость, болтать' [СРНГ 4, 42]). Учитывая возможность мены губных *v/m* (ср. *маранду́ха* – *воранду́ха* 'самка глухаря, тетерева' [ЛК ТЭ]), можно восстанавливать **мараку́шить*, **марáкать* 'издавать определенные звуки'.

Необходимо учитывать вероятность реализации здесь другой производящей основы со звукоподражательной семантикой: ср. **mьrkati* (**mьrkati*) 'мычать, реветь, мяукать, мурлыкать', **mьrkatati* 'блеять, мурлыкать, бормотать, издавать звуки' [ЭССЯ 20, 244], рус. *моркотать* 'ворчать', укр. *моркнути* 'ворчать', словен. *mrkniti*, *mrknem* 'ворчать', чеш. *mrkotat* 'бранить', польск. *markotać* 'ворчать', *markot* 'ворчание' [Фасмер 2, 656]. По мнению авторов ЭССЯ, данные образования имеют природу звукоподражательного, экспрессивного глагола, представляющего собой расширение корня **mьr-*. В случае наименования глухарки, тетерева актуальным может считаться значение 'издавать звуки, похожие на бормотание, ворчание', на базе которого и произошло развитие значения.

Итак, найдены две равновероятные мотивационные версии производности *марáкуша*, *мараку́ша* 'глухарка'. Прецедент равновероятности возникает на почве отсутствия в источниках мотивирующего глагола. Есть все основания считать данные орнитонимы русскими, так как прямых соответствий в прибалтийско-финских языках не найдено. Об этом свидетельствует также широкий ареал, уходящий за рамки Архангельской области.

Дополнительных комментариев требуют фонетические варианты орнитонимов. Нетипична для формы ж. р. финаль *-уш* (*марáкуш*), подобная форма отмечена в структуре орнитонима *мáрежь*, *мáрешь* в том же значении. Неясно отсутствие гласного в форме *марáкша* – подобное стечение согласных на почве русского языка нехарактерно, сходные соответствия встречаются в структуре заимствованных лексем (ср. *кúкша*, *рб́кша*). В случае *марáкша* версии заимствования не рассматриваются, так как не найдено соответствий. Не исключено, что глагол *марáкать (*варáкать*) дает производное *марáкша* с прибавлением суффикса *-ш-* к основе без расширения с дальнейшей прослойкой гласного и оформлением типичного для русского языка суффикса *-уша-*. Подвижность ударения (*марáкуша*, *мараку́ша*) может объясняться наличием большого количества вариантов: *мараку́ша*, *мараку́шка*, *марáкуша*, *марáкушка*, *марáкша*, *марáкуш*. При этом на подвижность ударения могут оказать влияние контаминационные процессы (взаимодействия с различными лексическими единицами, сходными по фонетической структуре, и сопоставимые по значению и территориальному распространению).

Марандúха, марандáшка, марандáха

Диал. *марандúха*, *марандáха*, *марандáшка* 'самка глухаря, самка тетерева' распространены на территории Холмогорского, Виноградовского, Шенкурского районов Архангельской области. Данный ареал входит в общий ареал рассматриваемых лексем. В фонетической структуре обращает на себя внимание звукокомплекс *-нд-*.

По свидетельству З.М. Дубровиной и А.С. Герда, «среди лексики, заимствованной из прибалтийско-финских языков в русские говоры Карелии, значительное место принадлежит звукоподражательным и изобразительным глаголам с суффиксом *-айда-* (*-анда-*), *-яйда-* (*-янда-*), *-ейда-* (*-енда-*), составляющим самую многочисленную группу заимствованных глаголов»¹. Наибольшее число таких глаголов зарегистрировано

---

¹ Дубровина З.М., Герд А.С. Изобразительные и звукоподражательные глаголы прибалтийско-финского происхождения в русских говорах Карелии // Сов. финно-угроведение. 1979. № 4. С. 243.

в микрорайонах Вытегорского района Вологодской области, бассейнах рек Оять и Свирь, в районе Карельского Беломорья, Каргополья, оз. Лача.

По данным ЛК ТЭ, на территории Белозерского района Вологодской области зафиксировано *чирáндушка* 'сойка'. В этом же и прилегающем к нему Вашкинском районе отмечено *чѳрандaть*, *чирондáть* 'чирикать, болтать'. Данные факты формируют словообразовательную модель: *чѳрондaть*, *чирандáть* 'чирикать, издавать звуки' → *чирáндушка* 'сойка'. Белозерский и Вашкинский районы Вологодской области примыкают с юга к Вытегорскому району Вологодской области, отмеченному в статье З.М. Дубровиной и А.С. Герда. Глагол *чирондáть*, *чѳрандaть* входит в семантическую группу звукоподражательных глаголов, заимствованных, по мнению исследователей, из прибалтийско-финских языков. З.М. Дубровина и А.С. Герд приводят, например, глагол *чѳлaйдaть* 'звенеть, журчать', сопоставимый с вепс. *čilaita* при озвончении [ɹ] между согласными¹. Есть все основания считать *чѳрондaть*, *чирандáть* заимствованием из прибалтийско-финских языков (ср. вепс. *čiraita* 'говорить баз умолку, тараторить' [СВЯ, 59], а также вепс. *čirkta* 'чирикать, стрекотать, хлопать' [СВЯ, 60]), а *чирáндушка* 'сойка' – отглагольным образованием на русской почве с помощью суффикса -ушк-².

На территории Мезенского района Архангельской области зафиксированы *семендѳха* 'морская птица', на территории прилегающего Приморского, а также Кемского районов Архангельской области *семенушка* 'птица кулик'. *Семенушка*, *семендѳха* можно считать вариантом одной лексемы, допуская упрощение группы согласных через выпадение [d]. Не исключена ситуация образования *семендѳть* (*семендѳха*) от *семенѳть* (*семенушка*) по аналогии с экспрессивными глаголами с суффиксами -айда- (-анда-), -яйда-(-янда-), -ейда- (-енда-), которую предполагают З.М. Дубровина и А.С. Герд³.

Можно предполагать образование *марандѳха*, *марандáха*, *марандáшка* на основе звукоподражательного или изобразительного глагола *марáндaть, *марандáть при помощи суффиксов -ух-, -ах-, -ашк- по модели: *чѳрондaть*, *чирандáть* 'издавать звуки' → *чирáндушка*; *семендѳть*, *семенѳть* 'суетиться' → *семендѳшка*, *семендѳха*.

В Холмогорском районе Архангельской области параллельно с *марандѳха* 'глухарка' зафиксировано *ворáндуха* в том же значении. Устраняя последствия «оканья», получаем форму *варáндуха*. Видим то же

¹ Там же. С. 245.

² Нельзя исключить возможность сближения с рус. *чирикать*.

³ Дубровина З.М., Герд А.С. Изобразительные и звукоподражательные глаголы прибалтийско-финского происхождения в русских говорах Карелии. С. 246.

соответствие мены губных в//м, как в случае с *марáкуша//варáкуша*. Учитывая олон. *варандучить* ‘сердито бормотать, ворчать’ [СРНГ 4, 43], а также арх., олон. *варáндать, вáрандать, вáрайдать, варáйдать* ‘то же’ [СРНГ 4, 41; 4, 43], можем предполагать наличие гипотетической формы **варáндать, *вáрандаты//*марáндать, *мáрандать* на территории Холмогорского, Виноградовского, Шенкурского районов Архангельской области. В прибалтийско-финских языках встречаем следующие соответствия: фин. *marista, mārista* ‘брюзжать, ныть’, вепс. *mareida, mareita, maresta, marenda, varaita, vareita, varaida, varanda, varesta* ‘то же’. З.М. Дубровина и А.С. Герд приводят в своем исследовании глагол *мурайдать* ‘ворчать, рычать (о собаке), мурлыкать (о кошке)’, сопоставляя его с олон.-кар. *murista* ‘рычать о собаке’¹.

Таким образом, предполагаем связь *марандуха, ворандуха* ‘глухарка’ с **марáндать, *мáрандать, *варáндать, *вáрандать* ‘издавать звуки’. Указанные глаголы на исследуемых территориях не зафиксированы. Отсюда гипотетичность форм. Причины отсутствия фиксаций могут быть различными: от погрешностей сбора материала до исчезновения указанных глаголов с территории вследствие прерванного прямого контакта с прибалтийско-финским населением. Тем не менее отсутствие фиксаций глаголов *марáндать, мáрандать, варáндать, вáрандать* на территории Холмогорского, Виноградовского, Шенкурского районов Архангельской области – уязвимое место предлагаемой этимологии.

Смоделируем еще одну версию появления слова *марандуха* на территории Холмогорского, Виноградовского, Шенкурского районов Архангельской области. Данная версия основана на предположении обратного заимствования. Рус. *марать* при заимствовании в прибалтийско-фин. языки приобретает следующий облик: фин. *marata*, люд. *maraida*, вепс. *mareita* ‘пачкать, марать’ [SKS 2, 149]. При обратном заимствовании в русский язык ожидаем *мáрайдать, мáрандать, мáрайтать, мáрендать, мáрейдать*. При подобном допущении необходимо учесть, что в семантике «двойного» заимствования должны произойти изменения.

Семантическая группа заимствованных глаголов со звукокомплексом *-нд-* делится на две части (звукоподражательные и изобразительные)². Глаголы последней группы служат для обозначения характера движения. В числе приводимых примеров глаголы со значением ‘струиться (о воде)’, ‘делать что-либо медленно, копошиться’, ‘медленно двигаться’, ‘дрожать’ и др.

¹ Дубровина З.М., Герд А.С. Изобразительные и звукоподражательные глаголы прибалтийско-финского происхождения в русских говорах Карелии. С. 244.

² Там же. С. 243.

Чтобы стать основой образования *маранду́ха* ‘глухарка’, предлагаемый глагол должен обозначать характер движения, производимого птицей. Например, значение глагола должно восстанавливаться как ‘копошиться в грязи, пыли’. В этом случае семантическое обоснование модели *марáндать* ‘копошиться в грязи, вследствие чего быть грязной’ → *маранду́ха* ‘та, которая копошится в грязи, в пыли, та, которая грязная’ выглядит вполне правдоподобным. Учтем при этом рассмотренную выше модель образования *мара́куша*, *мараку́ша* ‘глухарка’, которая дает семантическую параллель данной схеме.

Таким образом, при явной гипотетичности обеих версий обнаруживаем двойную параллель: с одной стороны, *мара́куша*, *мараку́ша*, *маранду́ха*, *варáндуха* соотносятся со звукоподражательными глаголами; с другой стороны, *мара́куша*, *мараку́ша*, *маранду́ха* соотносятся с глаголами, обозначающими характер движения. Обе модели можно считать продуктивными для образования орнитонимов, ср. *чира́ндуха* ← *чйронда́ть*, *чиранда́ть* ‘издавать звуки’; *семенду́ха* ← *семенди́ть* ‘суетиться’; *вара́куша* ← *вараку́шить* ‘передразнивать’ ***вара́кать* ‘издавать определенные звуки’; *писку́н* ‘рябчик’ [ЛК ТЭ] ← *пица́ть*; *квохту́нья* ‘курица-наседка’ [СРНГ 13, 170] ← *кво́хтатъ* ‘издавать короткие, звонкие звуки (о курице)’ [СРНГ 13, 170], *верещáга* ‘птица’ [ЛК ТЭ] ← *верещáть* ‘трещать, издавать треск’ [ЛК ТЭ], *долобй́тко* ‘дятел’ [ЛК ТЭ] ← *долбй́ть*; *гарку́ша* ‘ворона’ [ЛК ТЭ] ← *га́ркатъ* ‘звать, окликать’ [ЛК ТЭ].

Марью́ха, марью́шка, ма́рюшка, мариу́ха; морда́ха, морда́шка; ма́режъ, ма́режа, ма́решъ

Ареал *марю́ха*, *ма́рюшка*, *мариу́ха*, *марью́ха*, *ма́рюшка*, *марью́шка*, *ма́рюшка* ‘самка глухаря, самка тетерева’ включает в себя территории Вельского, Шенкурского, Холмогорского, Пинежского, Мезенского, Лешуконского районов. В центре этого ареала, в Виноградовском районе, фиксируется *морда́ха* в том же значении. Ареал характерен для прибалтийско-финских заимствований.

Я. Калима не включает данные лексемы в «Словарь прибалтийско-финских заимствований» [Kalima]. М. Фасмер считает этимологию *марю́ха* «неясной», спорит с А.Г. Преображенским, который связывает последнее с антропонимом *Марья*¹ [Фасмер 2, 577].

¹ Этимологическая версия Преображенского заслуживает внимания, несмотря на критику Фасмера (ср. отантропонимические наименования птиц *анка* ‘галка’ [СРНГ 1, 260], *авдотка*, *авдотья*, *авдотья́* ‘болотный кулик’ [СРНГ 1, 196–197]. Ср. также *марья*, *марью́шка*, *ванька*, *ваню́шка* ‘самец и самка лесной птицы’ [ЛК ТЭ].

Поиск соответствий в прибалтийско-финских языках приводит к фин. *marja* 'ягода', вепс. *mar'd*, *mar'g*, *mar'j*, карел. *marja*, люд. *muard* '(e), *mard*' 'то же' [SKS 2, 149]. Предположение о соответствии прибалт.-фин. *marja и рус. диал. *мáрьяха* требует дополнительного объяснения. При подобном допущении необходимо учитывать, что сопоставляемые формы не тождественны в семантическом отношении. Из этого следует, что название глухарки, если оно имеет связь с прибалт.-фин. *marja 'ягода', является производным образованием. Не исключено, что деривационный процесс – факт языка заимствования. Искомое производное в прибалтийско-финских языках не найдено. Причиной отсутствия деривата в предполагаемом языке-источнике может быть потеря исходной формы или неполнота доступных источников.

Единственная близкая к искомой форма *marjanšüöjä* (поэт.) 'тетерев' зафиксирована в тверских говорах карельского языка [СКЯ–Пунжина, 156]. По значению внутренней формы *marjanšüöjä* 'тетерев' – «едок ягод». Номинации промысловой птицы предполагают наличие большого числа эвфемизмов. Прозрачная внутренняя форма лексемы свидетельствует о том, что наименование *marjanšüöjä*, скорее всего, имеет эвфемистическую функцию – ср. также фин. *metso* («лесной») 'глухарь'¹. Существование композита *marjanšüöjä* 'тетерев', употребляемого в этой функции, таким образом, вполне оправданно.

Наметим возможные пути проникновения исходной формы типа составного *marjanšüöjä* в русский язык. Учитывая тот факт, что составные формы из прибалт.-фин. источников в русский язык не заимствуются, надо допускать, во-первых, при заимствовании упрощение, во-вторых, заимствование одной из частей композита (усечение). Кроме этого, следует ожидать кальки. В данном случае наличие кальки будет являться доказательством признания любого из путей заимствования.

Обратимся к форме, которую можно ожидать в русском языке при упрощении в процессе заимствования композита типа *marjanšüöjä*. Работая с формой *marjanšüöjä*, заимствующий язык (в данном случае – русский) избавится от сочетания с носовым, а также «упростит» нехарактерное для русского языка стечение гласных в финали слова. В результате получаем условную промежуточную форму **marja(e)š-V*. Конечный вокализм, вероятнее всего, при адаптации на русской почве должен совпасть с показателем женского или мужского рода. Можно учесть, что, находясь в слабой позиции в конце слова, на месте условного *V, скорее всего, проявится редуцированный гласный с последующим исчезновением. На территории Холмогорского района Архангель-

¹ Ср. звукоподражат. фин. *koppelo*, кар. *koppala*, *koppali*, *koppalo*, люд. *koppal* (o), *koppau*, *koppal'*, *koppali*

ской области встречаем *мáрежа, мэрежь, мэрешь*, что может быть сопоставимо с **marja(e)ša*. Отсутствие [j] можно в данном случае объяснять на приоб.-фин. почве (ср. вепс. *mord'- dj>d'*). Наличие формы *мáрежь* со звонким согласным на конце указывает на присутствие редуцированного гласного в финали и озвончение *š → ž* между двумя гласными. Форма *марежа* – свидетельство выравнивания по образцу парадигмы первого склонения существительных женского рода.

Проанализируем процесс (и результат) усечения при заимствовании композита типа *marjanšijä*. При «забывании» внутренней формы допустимо «отбрасывание» в процессе заимствования второй части композита. В результате вполне реально сопоставление *марь́кха, марь́кшка, мэрьюшка, мари́уха, марь́кха, мэрьюшка, марь́кха* с приоб.-фин. **marja* как случай заимствования одной из сложных частей композита при потере последнего в языке-источнике. В этом случае форму *морд́аха* с вариантом корня *морд-* можно сопоставлять с предполагаемой формой косвенного падежа (*mard'-* вместо *marj-*, ср. вепс. *mord'-*, люд. *tuard-*) или предполагать иной язык-источник в районе заимствования.

Слабым местом данной этимологической версии является отсутствие моделей, подтверждающих семантическую модель переноса ‘ягода’ → ‘глухарка’. На русской почве не найдено образований типа **ягодница* ‘глухарка’. Тем не менее укажем на наличие «обратной» модели. В хантыйском языке зафиксировано *чечка мурх* («птичкина морошка, воробьиная морошка») ‘черника’ [Ск, 75], *тохты-уть* («гагарьи ягоды») ‘клюква’ [Ск, 46], *тохтым-рых* («гагарья ягода») ‘голубика’ [Ск, 75], *сиски-рэг* («птичкина ягода») ‘княженика’ [Ск, 62]; ср. также в русском *журавли́ная я́года* ‘клюква’ [ЛК ТЭ], *тетёрь* ‘ягода, похожая на морошку’ [ЛК ТЭ].

В заключение укажем на возможную связь с рус. диал. *мáра* ‘любимый, любимая’ [СРНГ 17, 368], ‘барышня, девушка’ [СРНГ 17, 368], *мару́ха* ‘возлюбленная, любовница’ [СРНГ 17, 377], ‘гулящая женщина, проститутка’ [СРНГ 17, 377], *марья́жка* ‘милая, дорогая’ [СРНГ 17, 380], *марья́жный, марья́жный* ‘возлюбленный’ [СРНГ 17, 380], *марья́жить, марья́жить* ‘стараться устроить чей-либо брак, сватать кого-либо’ [СРНГ 17, 380], ‘вести себя кокетливо с кем-либо, стараться увлечь, заинтересовать кого-либо собой, ухаживать за кем-либо’ [СРНГ 17, 380]. Ср. также жарг. *мару́ха* ‘блатная женщина, любовница блатного’ [Козловский 1, 129], *мару́ха* ‘развратная женщина; сожительница

¹Панченко С.В. Хантыйские названия растений в «Ботаническом словаре» Н.Л. Скалзубова // Финно-угорское наследие в русском языке. Екатеринбург, 2000. Вып. 1. С. 138.

члена преступного мира', *маруха-клёва* 'публичная женщина', *марьяжить* 'заигрывать женщине с мужчиной' [Козловский 2, 51]¹. Подобное сближение допустимо на основании семантического сходства с орнитонимической лексикой: в семантической структуре присутствует компонент 'особь женского пола'. Возможно, значимым признаком являются свойства объектов, связанные с сексуальными действиями, которые расцениваются как нечистоплотные.

В качестве славянской версии происхождения рассматриваемых орнитонимов необходимо указать также на возможную связь с *марáша*, *мáра* 'грязнуля' [СРГК 3, 99].

Отсутствие точных прибалтийско-финских соответствий допускает образование орнитонима на прибалтийско-финской почве с последующим заимствованием в русский язык при исчезновении исходной формы в языке-источнике. Вполне вероятно образование орнитонима на базе звукоподражательного глагола типа фин. *marista*, *marina*, *marata*, карел. *marissa*, *marineh* [SKS 2, 49] с помощью продуктивного в прибалтийско-финских языках суффикса *-š-*: *mareša* – с последующим заимствованием в русский язык.

В результате проведенного анализа отметим наложение ареалов рассматриваемых диалектных лексем. При учете единого значения и близости фонетических форм это свидетельствует о неизбежных процессах контаминации. Так, например, на территории Холмогорского района Архангельской области для обозначения самки глухаря, самки тетерева используются следующие лексемы: *марь́́ха*, *марь́́шка*, *марь́́шка*, *ма́режь*, *ма́режа*, *марандáха*, *марандáшка*, *марáкуша*, *марáкишá*, *марáкуша*, *марáкуш*. При полном семантическом тождестве естественно возникает фонетическая контаминация и как следствие – изменение начальной фонетической структуры любого из наименований, а также фонетические преобразования на русской почве. В результате – наличие на территории серии лексем с этимологической пометой «неясно».

---

¹ Ср., однако, *шмара* 'развратная женщина; сожительница члена преступного мира' [Козловский 2, 98]. Этимология *шмара*, *мара*, *маруха* в указанных значениях «неясна» [Фасмер 4, 458].